

Утром колхозники по старой привычке собрались у конторы. Бабы визгливо бранились между собой, мужики, покуривая «Приму», пересмеивались, обсуждая государственные новости да вчерашние свои похождения.

— Костыль, а чё ты здесь делаешь? Ты ж вчерась уехать грозился.

— Куды это? — воровато улыбаясь, забежал глазками щуплый рыжий мужичок.

— Как — куды, сербам помогать, забыл, что ли? — притворно удивлялись мужики.

— Не помню такого.

— Не помнит он!.. Вчера вечером полдеревни взбаламутил, ходил, кричал, что, мол, поеду браткам православным подсоблю с Клинтоном разобраться.

— Не может быть, — скромно зарделся Костыль.

— Не может быть!.. — со смехом передразнили его. — А кто с себя одёжу срывал да в грудь

колотил, мол, всех к едрёной матери перестреляю, и Клинтона, и Коля, и Ельцина, а сербов в обиду не дам, — мы, что ли?

— Да брешете вы всё, — отмахнулся Костыль. — Я вчера рано домой пришёл.

— Шур, — окликнул Костылёву половину Васёк, — твой говорит, что наведни домой без проблем добрался.

— Убила бы гада ползучего! — раздалось в ответ из бабьей кучи. — Алкаш недоделанный. Явился в одних трусах, еле на ногах держится да и орёт: «Собирай меня, жена, в освободительную армию, повестку для меня из Кремля сегодня прислали, что направляют меня на защиту Югославии! Так что собирай меня в путь-дорогу, закуски в мешок сложи, салыца там, лучку, огурчиков, хлеба и рублей сто на поездку давай. Еду я, жена, на войну, может, и не вернусь уж обратно, знать, судьба моя такая». Вот ведь какой Илья Муромец выискался!

Вокруг все грохнули хохотом.

— Ну а дальше? — подзуживала Шуру.

— А что дальше? Самой интересно стало, что дальше будет. Стою, молчу, а этот освободитель чокнутый распинается передо мной в одних трусах. Я, мол, не могу простить такой наглости империалистам, отвечу на весь их наглёж со всей своей душевностью! Я им покажу русскую славу своих предков, напомним, как братья-славяне их колотили, всё НАТО вздрогнет... Чего зенки

свои вылупил? Пусть все знают, какой ты дурак, — под оглушительный смех набросилась на Костыля супружница. — Козёл драный, вояка голозадая, пьянь придурочная!

— Замолчи, змеюка! — взвился Костыль. — Будет брехать-то, вот погоди уже, дома поговорим.

— Нет уж, пусть все слушают, — отвернулась от мужа озлившаяся бабёнка. — Ну вот, дальше — больше, расхрабрился совсем, кричит: баба, где моё оружие? Какое? — спрашиваю. Промычал что-то невнятное, — видно, соображал, а потом и заявляет: топор, мол, возьму — буду в горах партизанить, и нож — на разведку ходить. Партизан за... Спрашиваю, а как партизанить-то будешь? Отвечает: соберу по югославским деревням всех мужиков-колхозников и уйдём, как Ковпак, в горы — эшелоны натовские подрывать и на их гарнизоны нападать, а там и наш десант с Лебедем подоспеет. Разгромим врага — и на Вашингтон, за Родину. Ну а дальше что? — интересуюсь. А дальше, заливает, Клинтона трибуналом судить будем, НАТО разгоним и Аляску назад себе заберём.

— Что ты брешешь, что брешешь? У, тварь, из ума совсем выжила! — побелел от злости Костыль.

Народ, хватаясь за бока, животы и прочие части своих тел, приседал, подпрыгивал и покачивался от безудержного смеха.

— Костыль, помолчи! Шур, продолжай, не бойся!

— Ну вот, значит, как войну закончим, говорит, вернёмся с победой домой. Ты, значит, Шур, всех в деревне собери, столы накрой, самогону побольше навари, я речь толкать буду. Про что? — спрашиваю. Про войну и победу, про партизанов и трибунал, отвечает, про то, как дальше жить станем. Ну и как, спрашиваю, жить дальше после всего этого с тобой придётся?

Вокруг Шуры раздавались стоны и всхлипы, у баб кончились силы для смеха, мужики, окружавшие Костыля, икали и хрюкали. У многих из глаз катились слёзы.

— Шурка, Богом заклинаю!.. — приказывал опозоренный Костыль. — Что вы верите этой злобной дуре, не видите, что глумится она надо мной?! — заорал он на мужиков.

— Шурка, — давились слезами бабы, — про жизнь после победы расскажи, каково нам в ней будет!

— Ну вот, я, значит, мешок в дорогу ему готовлю, а он стоит посередь кухни в одних трусах, руками размахивает и будущее мне расписывает, как тот Кашпировский.

— Ой, Шурка, ой, немоготу уже! — взмолились бабы. — Ой, Костыль — предсказатель!

— Руками, значит, размахивает, дурак рыжий, мы, говорит, и тут порядок наведём, когда возвратнёмся. Сразу, мол, как

прилетим, — десант на Кремль сбросим, всех заарестуем и разберёмся, кто там у них в предателях числится, кто нашу страну империристам продавал. Всех, кричит, в лагеря, на Кольму, в пожизненное заключение на хлеб и воду, а потом новую жизнь зачнём строить.

— Заткнись, убью! — рванулся Костыль к супруге, но тут же был перехвачен мужиками. — Всё равно убью! — дёргался в их объятиях строитель новой жизни.

— Поди Клинтона убей, герой югославского народа! — огрызнулась Шурка. — Там тебя, поди, заждались, когда ты поезда под откос пускать начнёшь.

— ...в горах! — грянули с новой силой мужики. — Давай, Шур, про счастливое будущее!

— Ну, я и говорю, запел, значит: Шур, колхозы восстановим, деньги вовремя платить начнём, всех чиновников в районе в дерьмочисты переведём, а нашу бухгалтерию — им в помощники. Зарплату положим для них рублей в десять, доллар отменим и всех спекулянтов землю пахать пошлём. А сами в ихние дворцы вселимся — и на Кипр, в море купаться, каждую неделю на выходные ездить будем.

— Ай да Костыль, ай да сукин сын! Небось, дворец-то Березовского себе присмотрел, не больше и не меньше, а?

— Да идите вы... — слабо отбивался незадачливый партизан. — Нашли кого слушать.

— Продолжай, Шурка, — задёргали бабы не на шутку разгорячившуюся жену героя.

— А чего продолжать, заканчивать пора! Я к этому времени мешок с продуктами ему собрала, протягиваю и говорю так жалостливо: «Вот, Ваня, харчи тебе на дорогу, паспорт там в тряпочку завернут. Всё, Ваня, иди отсюда и без победы не возвращайся. Я тебя ждать буду».

— Ну а он что? — застонали бабы.

— А что? — уставился на меня, как баран, да как заорёт: ты куда это, мол, меня гонишь? Я ему втолковываю: как — куда, в горы к сербам — эшелоны подрывать, сам же собирался. Да?.. — удивляется. Забыл, видать, начало разговора. Так, может, спрашивает, это до завтра отложить? Нет, отвечаю, раз собрался — иди. Да куда я на ночь глядя, кричит, и без одежды? Одежду, говорю, тебе в Югославии дадут, ты, мол, домой уже без одежды пришёл, а ночью, продолжаю, добираться сподручней — никто тебя не заметит, когда через границы переходить станешь, да и сам говоришь: партизанить собрался, а партизаны только по ночам и орудут.

— Врёт! — забился в бессильной ярости Костьль.

— Не вру, вот те крест, — перекрестилась Шурка. — Заныл, значит, как я, мол, без денег, дай хоть сотню. Не, говорю, русские деньги тебе там ни к чему, а долларов у меня отродясь не бывало. Ступай, говорю, Ваня, время не терпит, а то как не успеешь к

сроку в горы прийти, до рассвета не управишься, импирилисты перехватят, они ведь тоже не дураки, на разведку ходят, — закончила Шура.

— Не томи, рассказывай дальше, — загалдели вокруг.

— А всё.

— Как — всё?

— А так. Я ведь другой рукой уже скалку над головой занесла, он-то понял, что не шучу, и шмыгнул за двери. Я — дверь на крючок и спать. Вот сейчас только и встретились.

— Где ж ты, Костьль, был всю ночь? — повернулись к рыжему мужику сельчане. — К границе разведку делал, что ли?

— На сеновале спал, — уныло прохрипел Костьль. — Проснулся — ничего не помню, слез с сеновала, смотрю — одежда на заборе висит.

— Это я тебе вчера её туда повесил, — засмеялся Васёк, — когда ты её по дороге разбрасывал.

— Не помню я ничего, — стыдливо оправдывался Костьль.

— Цирк с тобой, да и только, — похлопывая Костьля по плечам, успокаивались мужики. — То ты армян рвёшься от землетрясения спасать, как напёшься, то Белый дом защищать, то в Чечню воевать, а теперь вот в Югославию собрался. Клоун ты, Костьль.

— Так ведь душа у меня не на месте, — защищался сердобольный мужичок. — Как выпью, так всю эту несправедливость готов одним моментом изничтожить, а то ведь жить невозможно.